

ИЗ ИСТОРИИ ПЕЩЕРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В АНИ

Проф. Н. М. ТОКАРСКИЙ (Ленинград)

При ознакомлении с древностями Ани, наряду с развалинами построек на поверхности земли и остатками их, обнаруженными при раскопках, привлекают к себе внимание многочисленные группы искусственных пещер, вырубленных в крутых берегах ущелий, ограничивающих городище.

Город занимал «треугольный» мыс, вырезанный в холмистом плато ущельями реки Ахурян (с юго-восточной стороны) и впадающей в нее Анийской речки (с западной).

В глубоком и тесном ущелье Ахуряна пещеры имеются только на правом берегу. Анийская речка, берущая начало в полутора километрах к северу от города и впадающая в Ахурян у южного конца анийского мыса, протекает по широкому и сравнительно неглубокому ущелью Цагкоцадзор (Цветниковое)¹, оба берега которого почти на всем протяжении изрыты пещерами. Также в обоих берегах видим пещеры в Гайледзоре и Игадзоре — сухих ущельях, впадающих соответственно в Ахурян и Цагкоцадзор у северной окраины города, и в Багнайрадзоре, направляющемся в Цагкоцадзор с запада.

Пещеры почти на всех участках располагаются в несколько ярусов, число которых в далеком прошлом местами доходило до пяти, а может быть, и шести. В настоящее время в более или менее сносной сохранности встречается не более трех ярусов, так как нижние обычно бывают завалены выветрившейся породой и обломками, в результате разрушения верхних.

О назначении пещер разногласий нет. Давно оставлено мнение, что они служили лишь убежищем для горожан в военное время. Так, еще в прошлом столетии Н. Ханыков по этому поводу говорил:

„Ces excavations servaient jadis de demeures permanentes aux habitants d'Ani, non seulement en temps de guerre, comme plusieurs le pensent, mais aussi en temps de paix“².

Пещеры находятся вне городских укреплений, в открытых ущельях (кроме берега Ахуряна), и потому могли быть использованы жителями

¹ Дзор — ущелье.

² «Эти искусственные пещеры служили некогда постоянными жилищами обитателей Ани не только во время войны, как некоторые это думают, но также и в мирное время».

N. K h a n y k o v, Excursion à Ani en 1848. (M. Brosset. Rapport sur un voyage, archéologique dans la Georgie et l'Arménie, exécuté en 1847—1848. St.-Petersbourg 1849—1851, III, p. 142).

Ани как убежища при нападении на город только на тех участках, где они вырублены в труднодоступных скалах.

Виды анийских подземных сооружений весьма разнообразны: жилые помещения, одиночные и в несколько комнат; небольшие церковки (некоторые с притворами) — квартальные (приходские?), домовые, в погребальных комплексах; усыпальницы; голубятни; подземные ходы из города в ущелья и различные коридоры и переходы с лестницами между группами помещений. Сложный комплекс угрюмых покоев на правом берегу Анийской речки, напротив Вышгорода, в свое время, видимо, был вырублен для монастыря. Как нам удалось недавно выявить, на левом берегу той же речки, в районе под вторым отделением музея и жилым домом, имелся подземный каравансарай на тропе из крепости Магасберд, стоящий на южных подступах к Ани.

Сказанное свидетельствует, что здесь мы имеем дело с заселенной некогда анийцами не природной, а искусственно созданной подземной частью городской территории, которую следовало бы называть «Подземный Ани», если бы это наименование не укрепилося и в народе и в литературе за одним из крупных подземных ходов, находящимся в Цагкоадзоре³, неподалеку от так называемых Шеддадидских ворот Вышгорода.

В годы расцвета Ани число пещер доходило, вероятно, до тысячи. В настоящее время их насчитывается около пятисот, из коих значительная (если не большая) часть пребывает в полуразрушенном состоянии.

Всю эту массу пещер невозможно обследовать походя, при кратковременных посещениях Ани. Подобная работа, требовавшая времени, выносливости, а подчас и изворотливости исполнителей, могла быть предпринята только в условиях хорошо снаряженных экспедиций. Таковыми и явились анийские археологические кампании, которые ежегодно в течение целого лета проводил академик Н. Я. Марр, заботливо создавший на пустынном городище максимум удобств (и даже известный комфорт) для жизни и работы участников.

В 1915 году одной из главных тем XIV кампании явилось составление подробного описания всех доступных для осмотра пещер. Работу эту Н. Я. Марр поручил студенту 8-го семестра Петербургского университета Давиду Кипшидзе⁴. Хорошо зарекомендовавший себя уже в предшествующие годы, ученик Николая Яковлевича вложил много самоотверженного труда в выполнение этого нелегкого задания. Только нехватка времени в конце кампании заставила его ограничиться лишь самыми общими сведениями при описании части пещер в Гайледзоре и в районе

³ И. Орбели. Краткий путеводитель по городищу Ани (с планом). Анийская серия № 4. СПб., 1910, стр. 9. Список развалин (Старый город) и план — № 104а.

Во избежание путаницы мы придерживаемся здесь терминов «пещера», «пещерная» церковь и т. п., называя ими различные виды искусственных подземных сооружений.

⁴ Н. Марр. Отчет Анийского музея древностей за 1915 год. Анийские древности II. Петроград, 1917, стр. 30 и сл.

Кармир-ванка на Ахуряне. В измерениях подземных помещений деятельное участие принимал Арташес Вруйр.

В последующем 1916 году автору настоящего очерка, тогда студенту Института гражданских инженеров, ставшему по счастливому стечению обстоятельств участником XV анийской кампании, Н. Я. Марром было поручено продолжение работ по пещерам. Следовало еще раз обойти (вернее — облазять) все пещеры с описаниями Д. А. Кипшидзе и фотографиями А. Вруйра в руках для того, чтобы в случае надобности подправить архитектурную часть описаний, а главное отобрать для подробных обмеров наиболее интересные комплексы и отдельные пещеры, характеризующие различные виды подземных сооружений. Повторное обследование было выполнено, но провести работы по обмерам пещер не довелось, так как после отъезда Н. Я. Марра в Ван замещавший его в Ани Г. Н. Чубинов (Чубинашвили) изменил порядок выполнения заданий по обмерам. В первую очередь пришлось заняться подробными обмерами церкви из раскопок 1911 года⁵. Работа эта потребовала много времени, и в пещерах удалось обмерить лишь план церкви с притвором в большом подземном комплексе на правом берегу Цагкоцадзора при впадении в него Багнайрского ручья⁶.

Полевая рукопись Д. А. Кипшидзе с фотографиями А. Вруйра уцелела, так как не была отправлена в 1917 году в Тбилиси вместе со всеми анийскими материалами, погибшими, как известно, в пути. Ныне она находится в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР⁷. Сохранились также негативы А. Вруйра⁸ и все наши обмеры 1916 года.

В настоящее время эти описания пещер подготавливаются нами к изданию по поручению Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР.

* * *

В годы анийских археологических кампаний трудами Н. Я. Марра, Т. Тораманяна, их учеников и помощников закладывался фундамент всестороннего систематического изучения древностей Армении. Тогда еще не были известны или изучены многие памятники и потому теперь, спустя более полувека, когда накоплен огромный материал, нередко приходится пересматривать установившиеся мнения. Так случилось и с некоторыми анийскими подземными сооружениями.

В числе пещерных церквей Ани значатся две маленькие пещеры в верховьях Игадзора, по правую руку от дорожки, спускающейся из Игадзорских ворот города (I) к Цагкоцадзору. Упоминая их в Путеводителе, П. А. Орбели особо отмечал: «В церковках интересны высеченные в скале

5 Г. Н. Чубинов. Отчет Анийского музея древностей за 1916 год. Анийские древности III, Петроград, 1918, стр. 3 и сл.

6 План издан в труде Н. Я. Марра «Ани» (М.—Л., 1934, рис. 198), но по ошибке технического редактора отнесен не к пещерам, а к церкви из раскопок 1911 года.

7 Фонд 800, опись 6, № 740.

8 В Государственном историческом музее Армении (Ереван).

купели, рассчитанные на взрослого человека»⁹. То же самое через пять лет повторил в своих описаниях Д. Кипшидзе¹⁰. Однако ныне имеются основания полагать, что назначение этих пещер было иное.

Обе пещеры вырублены в довольно твердом верхнем скальном пласте красного цвета, как и находящаяся неподалеку в городе над Цагкоцалзором пещерная церковь № 11 (по Путеводителю)¹¹. Они расположены рядом, на расстоянии около 20 м друг от друга в направлении с севера на юг. Западная сторона этой скалы имеет высоту 3,35 м и служит для каждой из пещер фасадом, заключающим архитектурно обработанный вход.

Северная пещера (рис. 1, 2)¹².

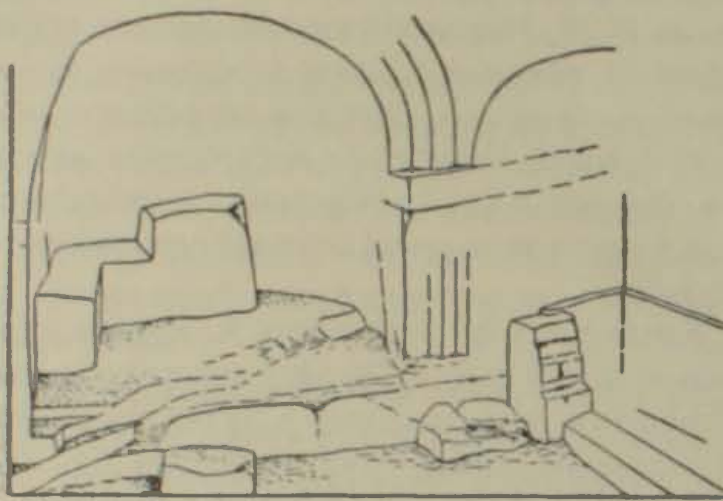

Рис. 1. Северная пещера. Внутренний вид.

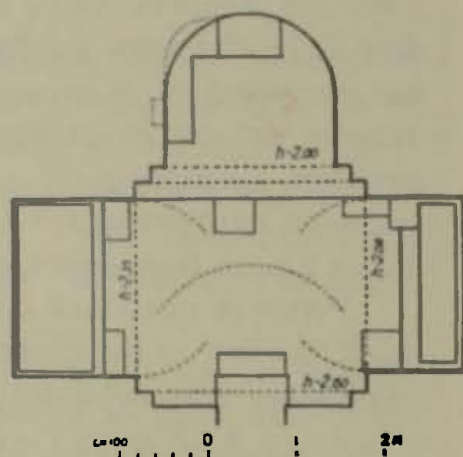

Рис. 2. Северная пещера. План.

В пещеру ведет прямоугольная дверь шириной 0,75 м и высотой 1,45 м. Над ней полувалик очерчивает полукруглый тимпан, выше которого расположено небольшое (0,45 м × 0,18 м) окно с арочным верхом. Налево от окна — большая плоская ниша в раме, предназначавшаяся для надписи, но оставшаяся незаполненной. Вокруг тимпана вырезаны восьмиконечные кресты — обычная дань богомольцев.

Д. А. Кипшидзе, считавший, как и И. А. Орбели, пещеру церковью, записал в своих полевых материалах, что «церковка была задумана по плану креста, но не была выполнена с достаточной тщательностью», о

⁹ Стр. 38. Там же в Списке развалин (вне городских стен) и на плане они значатся под № 7. Римская цифра I при Игадзорских воротах — по Путеводителю.

¹⁰ ААН, ук. рукоп., лл. 66, 526, 527, 533.

¹¹ В аниискм массиве четко разграничиваются три скальных пласта: верхний, сравнительно тонкий, средний, толщиной 35—40 м, из мягкого, податливого вулканического туфа, заключающий в себе весь пещерный город, и нижний, примерно на уровне Ахурына, очень твердый, базальтовый.

¹² Описания и схематические планы пещер составлены по полевым данным Д. А. Кипшидзе (ААН, ук. рукоп., лл. 526—535). Внутренние виды прорисованы по фотографиям А. Вруйра (фотоархив Гос. исторического музея Армении. Пер. 13×18, №№ 4572 и 4585).

чем, по его мнению, свидетельствует отсутствие западного (четвертого) крыла и крестового свода на центральном объеме¹³. Однако «тщательность» здесь не причем. Если строитель действительно задумал бы крестообразную композицию, он мог осуществить ее без особого труда. Следовало лишь «вдвинуть» все сооружение в глубь скалы на 1,50—2,00 метра, необходимых для иссечения полноценного западного крыла. Но это не было сделано, и, значит, строители не ставили перед собой подобных задач ни в этой, ни в сходной с ней южной пещере.

Спустившись за дверью на 2 ступени (0,55 м), попадаем в почти квадратное помещение (2,55×2,40 м), перекрытое продольным цилиндрическим сводом, близким к полуциркульному¹⁴. С восточной его стороны в неглубокой плоской нише расположена полукруглая абсида с приподнятым на 0,33 м полом и конхой неправильной формы. Размеры абсиды: пролет — 1,90 м, глубина — 1,75 м, высота — 2,00 м. Переход от свода центральной части пещеры к конхе образован двумя ступенями арок, опирающихся на углы ниши и абсиды. В западной стене, на месте несуществующего четвертого крыла, нише с абсидой отвечает такая же неглубокая ниша с аркой над дверью и окном. В боковых стенах — большие, прямоугольные в плане ниши («крылья») с приплюснутыми цилиндрическими сводами, занятые вырубленными в скале рудниками, которые и были приняты за купели для взрослых. Далее мы приведем соображения об их действительном назначении, а до того будем условно придерживаться принятого наименования «купель».

Размеры боковых ниш (в м)

	пролет	глубина	высота
Северная	2.00	ок. 1.43	2.35
Южная	1.95	ок. 1.17	2,08

Размеры «купелей» (в м)

Наружные

	длина = пролету ниш	ширина	высота наружной стенки ¹⁵
Северная	2.00	0.98	—
Южная	1.95	0.72	—

Внутренние

	длина	ширина	глубина от края стенки до дна
Северная	1.90	0.85	0.90
Южная	1.77	0.40	0.60

¹³ ААН, ук. рукоп., л. 526. Д. А. Кипшидзе, вероятно, считал, что крестовый свод был наиболее подходящим центрическим перекрытием для подземного крестообразного в плане сооружения.

¹⁴ Ввиду неопределенности формы здесь затруднительно применять обычные архитектурные термины («коробовый» и т. п.).

¹⁵ В записях Кипшидзе этих размеров нет. Дно «купелей» несколько заглублено относительно пола, как это сделано и в южной пещере.

Следует отметить, что стенки «купелей» несколько выступают из стен ниш; значит, предусматривалось покрытие их каменными крышками из одной плиты или составными.

Для подъема в абсиду перед возвышением имеется каменная ступень. В глубине абсиды в породе оставлен прямоугольный выступ высотой 0,79 м; слева с ним связан выступ меньшей высоты в виде скамьи, изогнутой под прямым углом. Над скамьей маленькая плоская ниша с трехлопастным завершением (шир.—0,30, гл.—0,13, выс.—0,45 м). Во всех четырех углах у передних стенок «купелей» выступают небольшие прямоугольные блоки, предназначенные, вероятно, для сидения.

Перед южной «купелью» вплотную к ней примыкает могила, вырубленная в полу.

Общие размеры пещеры

Ширина с юга на север — 5,15 м.

Глубина с запада на восток — 4,45 м.

Высота от пола до вершины главного свода — 2,80 м.

Южная пещера (рис. 3—5).

Единственный западный вход отделан несколько богаче, чем в северной пещере. По сторонам прямоугольного пролета двери (0,65 × 1,46 м) подымаются полуваики, переходящие наверху в полуциркулярную декоративную арку, окаймляющую образованный ею тимпан. Валики отстоят от притолок на 0,15 м, высота тимпана—0,40 м. Внутри пещеры тимпан заглублен на 0,40 м в метровую толщу стены, образующей перед его полукруглым верхом арку (со следами штукатурки из песка, извести и соломы). Над входом небольшое (0,27 × 0,43 м) окно. Справа от него в скале выбрано на 2—3 см плоское углубление шириной 0,62 м и высотой 1,21 м, обрамленное валиками, идущими по бокам и смыкающимися наверху в полуциркулярной арке, образующей лучковое завершение с поперечником около 0,50 м¹⁶. В углублении вырезана армянская надпись в 14 строк. Средняя величина букв—0,05 × 0,03 × 0,01 м. К сожалению, Д. А. Кипшидзе не удалось прочесть надпись, так как ее покрывал плотный слой мха и красного лишайника. Можно было разобрать лишь разрозненные буквы и слоги. Надпись упоминается в «Путеводителе». Однако, судя по отсутствию ее среди анийских надписей, собранных И. А. Орбели для издания, приходится прийти к заключению, что и тогда она не поддавалась прочтению.

Скальный фасад, как и в северной пещере, преимущественно по бокам входа, изрезан крестами, образованными живописными сочетаниями маленьких крестиков (рис. 3)¹⁷.

¹⁶ У Д. А. Кипшидзе записано, что углубление с надписью находится на высоте 2,25 м от земли (ук. рукоп., л. 531). Прибавляя к этой величине вертикальный размер только углубления—1,21 м, получаем 3,46 м, что никак не согласуется с высотой скалы, равной, по Кипшидзе, 3,35 м. Здесь где-то вкралась ошибка.

¹⁷ Копия с зарисовки Д. А. Кипшидзе (ук. рукоп., л. 531).

Внутри пещера ближайше сходна с северной. Единственное отличие, не имеющее, однако, принципиального значения,— это отсутствие южной ниши. В ней не встретилось надобности и ее не вырубили, ограничившись лишь намеком в виде незначительного плоского углубления в продольной стене, завершенного аркой. Пещера так и осталась недостроенной.

Основное помещение почти прямоугольно в плане (пролет — ок. 3,00 м, глубина—2,35—2,40 м). Пол его понижен на одну ступень (0,20 м) относительно порога; перекрыто продольным цилиндрическим сводом, близким к полуциркульному. С востока расположена абсида, покрытая конхой (пролет—2,09 м, глубина—1,90)¹⁸. Пол абсиды приподнят на 0,45 м и для подъема на него у середины возвышения имеется ступень высотой 0,33 м.

Северная ниша, завершенная цилиндрическим сводом, с окном в западной стене, также занята массивной «купелью».

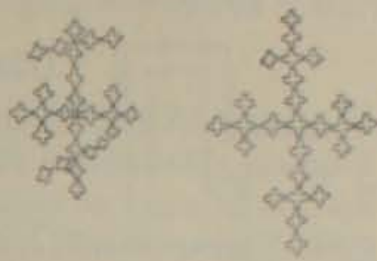

Рис. 3. Южная пещера. Кресты на фасаде.

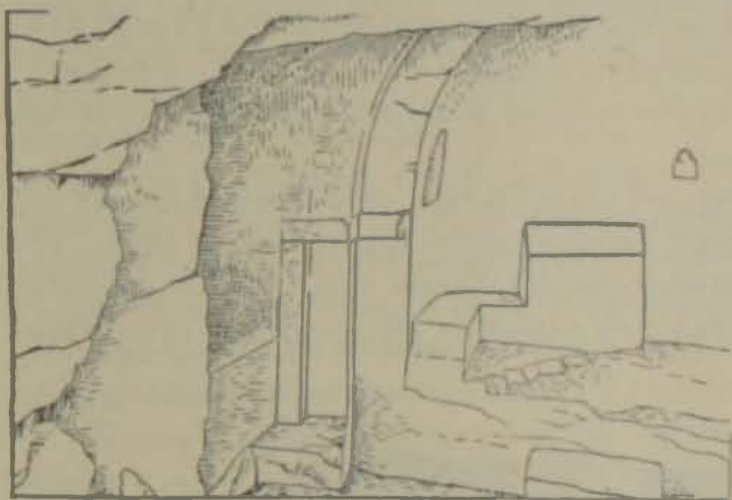

Рис. 4. Южная пещера. Внутренний вид.

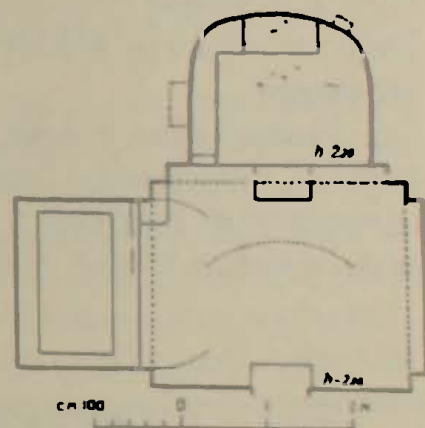

Рис. 5. Южная пещера. План.

Размеры ниши: пролет—1,95 м, глубина—ок. 1,55 м, высота у Д. А. Кипшидзе не приведена.

Размеры «купели»: снаружи—1,95×1,40×0,75 м; внутри—1,65×0,86×0,89 м.

В абсиде, как и в северной пещере, имеется выступ в середине полуокружия высотой 0,88 м и отходящая от него в северной половине «скамья», изогнутая почти под прямым углом. Над ней — ниша с трехлопаст-

¹⁸ В записях Д. А. Кипшидзе высота абсиды равна 2,20 м. Однако, если к ней прибавить величину возвышения—0,45 м, то при высоте основного объема пещеры в 2,66 м на две арки, отделяющие его свод от конхи, ничего не останется (рис. 4). По нашему мнению, здесь высота абсиды была отсчитана от основного пола пещеры, включая и величину возвышения.

ным сводиком ($0,50 \times 0,26 \times 0,90$ м); другая, крохотная ниша с таким же завершением ($0,16 \times 0,09 \times 0,23$) вырезана справа от центрального выступа в абсиде, несколько выше его. Слева от двери имеется еще одна ниша этого типа разм. $0,30 \times 0,24 \times 0,45$ м. Все ниши в плане прямоугольны.

Общие размеры пещеры

Ширина с юга на север — 4,71 м.

Глубина с запада на восток — 4,32 м.

Высота от пола до вершины главного свода — 2,66 м.

Ориентация обеих пещер — на восток, с небольшим отклонением к югу.

В начале описания игадзорских пещер было показано, что они лишь по очертанию планов могли быть приняты за недоработанные центрические крестообразные сооружения. На самом деле это в основе своей — маленькие сводчатые часовенки простейшего вида (в плане — прямоугольник + полукружие абсиды), в которых ниши с каменными ящиками, вырубленные в продольных стенках, появились в связи с особым назначением обеих пещер. Участники анийских кампаний определили их как церковки с купелями для взрослых. Но если бы в те годы кто-нибудь из «анийцев» побывал в селении Ахц (*Աղց*) на юго-западном склоне Арагаца и, осмотрев там полуподземную усыпальницу, сравнил с ней игадзорские пещеры, версия о купелях, надо полагать, была бы тогда же оставлена.

Усыпальница в Ахце (рис. 6) представляет армянский вариант сирийских подземных усыпальниц первых веков христианства (рис. 7)¹⁹, в котором из трех ниш с саркофагами оставлены только две в продольных стенах, а третья — центральная заменена абсидой. Эта существен-

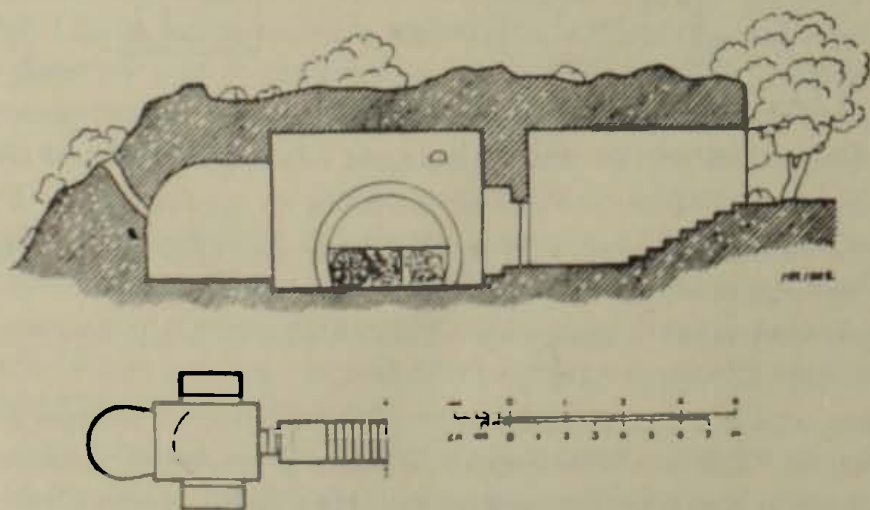

Рис. 6. Ахц. Усыпальница IV в.

¹⁹ Усыпальница в Миджлей IV века. См. Vogue. *Syrie centrale*, Paris, 1865–1877, II, табл. 88. (чертеж воспроизведен в книге Н. М. Токарского „Архитектура Армении IV—XIV вв.“, Ереван, 1961, рис. 19). Н. С. Butler. *Architecture and other arts*. New York, МСМШ. стр. 105.

ная особенность соблюдена и в игадзорских пещерах, которые композиционно отличаются от усыпальницы в Ахце лишь отсутствием крытого дромоса с лестницей, что объясняется различием топографических условий. В Ахце усыпальница, сооруженная у обрыва, углублена в материк и потому потребовалось устройство лестницы перед входом, а в Игадзоре пещеры вырублены в выступающей из ко-согора скале и в спуске не было необходимости.

Наиболее древнее упоминание Ахца, с которым можно связать усыпальницу, находим у Моисея Хоренского, который, говоря о событиях второй половины IV века, сообщает: «...Парсийский полководец, прибыв в Армению, при помощи нахараров берет крепость Ани, всю царскую казну, в ней находившуюся, и даже кости царей: не знаю, для того

ли это было сделано, чтобы оскорбить Аршака, или для каких-нибудь чар языческих. Впоследствии нахарары вымолили эти кости и погребли в городке Ахцке, находящемся у подошвы горы, называемой Арагацем. И так как нельзя было отличить кости язычников от костей верующих, которые грабители смешали в одно, то по этой причине не сочли приличным схоронить их в усыпальнице святых в городе Вагаршапате»²⁰.

Надо полагать, что для этих останков и предназначалась сохранившаяся в Ахце усыпальница, которую в таком случае можно датировать IV веком.

В середине прошлого столетия о подземелии в Ахце говорится в труде еп. Н. Шахатунянца²¹.

Первые чертежи этого сооружения, позволившие получить ясное представление об его виде, появились только в 1925 году. План, разрез и аксонометрия были составлены автором настоящей статьи по обмерам Тарагроса и Ашхарбека к докладам А. Калантара в научных учреждениях Ленинграда²². Вот тогда бы и полистать рукопись Д. А. Кипшидзе,

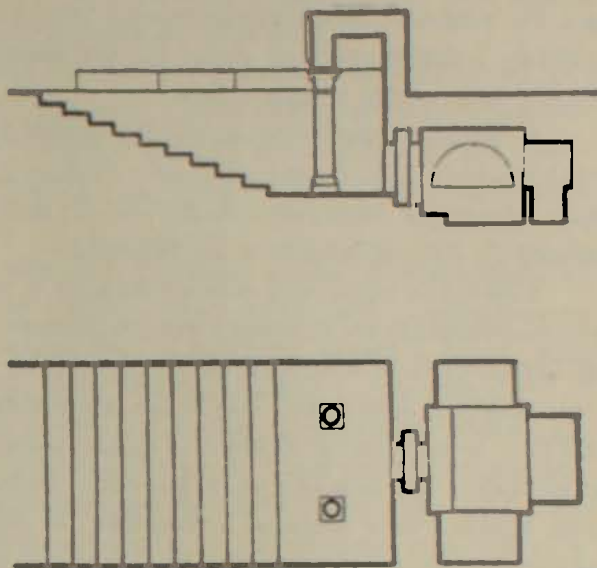

Рис. 7. Миджлея (Сирия).
Усыпальница IV в.

²⁰ История Армении. Перевод Н. О. Эмнна, М., 1843, стр. 164.

²¹ Հ. Շահաթունյանց, Ստորագրութիւն և արտփնէս ս. հիւրանի և հիւրդրանի արտփնէս և արտփնէս, հիւրանի, 1842:

²² План и разрез были изданы А. А. Калантаром в брошюре Արաղաթի պատմութիւնը, Երևան, 1935, նկ. 11 и позднее воспроизведены в работе Б. Аракеяна Հայկական պատմութիւնը և արտփնէս IV-VII դարերում, Երևան, 1949 (Сюжетные рельефы Армении IV—VII веков, Ереван, рис. 3).

Насколько помнится, А. А. Калантаром была издана и аксонометрия, но проверить это не удалось из-за отсутствия в Ленинграде большинства его публикаций. Аксономет-

возобновить в памяти игадзорские церковки с «купелями» и сопоставить их с усыпальницей в Ахце! Но это не было сделано, — автор рукописи за несколько лет до того безвременно ушел из жизни, а сама рукопись многими считалась утраченной вместе с другими анийскими материалами. Не вспомнили об игадзорских пещерах и в 1935 году, когда А. А. Калантар докладывал об Ахце на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии.

В послевоенные годы из случайного разговора с В. А. Миханковой, заведовавшей Кабинетом Н. Я. Марра в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР, мы впервые узнали, что рукопись о пещерах Ани хранится в Ленинграде.

Сейчас в процессе подготовки ее к изданию представилась возможность специально заняться игадзорскими пещерами, которые, как видим, по архитектуре следует отнести к типу раннехристианских подземных усыпальниц Армении. Такое их назначение подтверждают и некоторые детали, в частности форма и продольные размеры «купелей», явно рассчитанные на лежащего взрослого человека, что едва ли требовалось для совершения обряда крещения. К тому же поместить его в южную «купель» северной пещеры при ширине ее в 0,40 м было далеко не просто. Другое дело, если такой тесный каменный ящик предназначался для погребения умершего, — ведь и находящаяся рядом в полу могила имеет ширину 0,45. Заметим также, что находящаяся рядом в полу могила заняла место, которое было предусмотрительно оставлено строителями за счет поперечных размеров саркофага. Все это говорит за то, что здесь хоронили, а не крестили.

Врытые в землю погребальные сооружения, подобные усыпальнице в Ахце, видимо, были приняты в первые века христианства в Армении наряду с простыми склепами. Приведем еще один пример, заимствованный из письменных источников.

Стефанос Орбелиан в своей Истории сообщает, что в том же IV веке во время борьбы правителя Сюника Андока с персидским царем Шапуром (II), когда персидские войска ворвались в Сюник, князья собрали ценности и моши из церквей и, поместив в одной из часовен около Шагата — столицы Сюника¹, засыпали землей. Спустя много лет правивший страной сын Андока Бабик во время охоты случайно обнаружил это подземное сооружение. Когда убрали скрывавшую его землю, «...взору открылась замечательная каменная церковь невиданной красоты, где купол и хораны были четырехсторонними, образуя одно помещение с единым перекрытием, совершенно не похожая на другие церкви, возведенные каменных дел мастерами»²⁵. Едва ли могут быть сомнения, что это —

рния приведена в указ. книге «Архитектура Армении IV—XIV вв.», рис. 19. Т. Торамания также производил обмеры в Ахце. Они изданы по второму тому его «Материалов по истории армянской архитектуры» (Ереван, 1948, рис. 65) и в альбоме В. М. Арутюняна и С. А. Сафаряна «Памятники армянского зодчества» (М., 1951, рис. 33).

²⁵ Ստեփանն Օրբելիան, Պատմութիւն նահանգին Սիւնիկան, Թիֆլիս, 1911, стр. 42. Перевод описания церкви в Шагате и краткое изложение сообщения

усыпальница, отличающаяся от Ахца лишь полным крестообразным планом и сомкнутым четырехгранным сводом над центральной частью.

Чем же объяснить, что игадзорские пещеры были приняты за церкви с купелями? Возможно, что в кругу анийских исследователей тогда и возникала мысль о том, что это — усыпальница, но почему она была оставлена — можно высказывать лишь предположения.

В Ани было много погребений богатых горожан в специальных пещерах. Все они высечены в скалах только на правом берегу Цагкоцадзора в среднем туфовом слое. Н. Я. Марр в Отчете Анийского музея древностей за 1915 год приводит данные Д. А. Кипшидзе о разновидностях анийских пещерных усыпальниц:

«Усыпальницы двух видов: или это большие ниши в открытой галерее или крытом коридоре с могилами, как, например, усыпальница Тиграна Оненца, или комната, порой зал с рядами могил в полу, или круглые цилиндрические комнаты. При усыпальницах — часовни»²⁴.

Как видим, сооружений типа Ахца здесь нет. Даже особо отмечается, что часовни вырублены при усыпальницах и сами не являются местом погребения. Значит, наши игадзорские часовни с саркофагами пришлось бы признать единичным исключением, и по местонахождению, и по типу не имеющему аналогий. Это и могло явиться причиной, по которой в них не усмотрели усыпальниц. Сравнение с сирийскими склепами также могло показаться недостаточно убедительным, поскольку там отсутствовали абсиды.

Ныне, когда мы имеем надежно датированный IV веком памятник такого же типа в Ахце, игадзорские пещеры можно не только считать усыпальницами, а и датировать, без опасности впасть в ошибку, примерно теми же временами. Города здесь еще не было, но на холме, на месте будущего анийского Вышгорода, стояла сильная крепость, принадлежавшая могущественному армянскому роду князей Камсараканов. В трудах древних историков она появляется несколько раз на протяжении V века, отмеченного восстаниями армян против персов. Игадзорское ущелье находилось неподалеку от крепости и там в пятом (если не в четвертом) столетии могли быть вырублены наши пещерные усыпальницы для ее знатных обитателей.

Орбеднана об укрытии в ней ценностей и мощей любезно предоставил мне С. Х. Мнацаканян, которому приношу благодарность.

В переводе М. Броссе того же описания есть существенные неясности. Он пишет: «...открыли церковь... с куполом и приделами (*chapelles*) в четырех углах, под общей кровлей и земляной насыпью, и не отделенными (*non séparées*), как обычно делают архитекторы (мастера каменных дел)*. Свой перевод М. Броссе поясняет, приводя в примечании в качестве примера церковь Креста в Мухете, также имеющую приделы в углах (*Histoire de la Siounie par Stéphanos Orbélian, traduite de l'arménien par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1864, I, стр. 27*). Непонятно, как подобные угловые приделы могут быть *non séparées**.

²⁴ Н. Марр. Отчет Анийского музея древностей за 1915 год. Анийские древности II, Петроград, 1917, стр. 33.

Справедливость требует отметить некоторые архитектурные детали в обеих игадзорских пещерах, которые могут послужить поводом для сомнений в правильности нашей датировки.

В Ахце своды в погребальных нишах (а по обмерам А. А. Калантара и очертание абсиды) подковообразны. Форма эта была распространена в наиболее ранних христианских памятниках Армении. В игадзорских пещерах ее нет, но это можно объяснить тем, что при недостаточной высоте скалы (3,35 м) мастер был вынужден придать сводам неправильные приплюснутые очертания, более похожие на коробовые кривые (рис. 1). Кроме того, следует иметь в виду, что в Ахце было значительно проще соблюсти точные геометрические формы, так как там стены и своды выложены из тесаного камня.

Вторая деталь—это трехлопастные сводики ниш и оконных амбразур (изнутри) — форма широко распространенная в декоре XIII и последующих веков. Однако торопиться с опровержением предложенной датировки не следует. Ниши с трех- и пятилопастными сводиками столь часто встречаются в анийских пещерах, что если бы мы по ним стали устанавливать даты, то на багратидское время осталось бы весьма небольшое число пещер. На самом же деле в только что основанном городе шел исключительно бурный рост населения, для беднейшей части которого строительство жилья в пределах основной городской территории могло оказаться непосильным.

Здесь будет уместно вспомнить характеристику городской жизни в Ани, данную Н. Я. Марром после раскопок 1912 года.

«Обе раскопанные церкви, меньшая вне всякого спора, приращают материал в пользу того положения, что в Ани все росло, все развивалось вплоть до второй половины XIII в. и, худо-ли, хорошо-ли, все перестраивалось по новому вкусу, не только городские стены, но и храмы»²⁵.

Действительно, меньшая церковь явила разительный пример такой, несомненно спешной, перестройки. Первоначально она представляла небольшую залу, перекрытую полуциркульным сводом, подпружные арки которого опирались на пилястры в продольных стенах. При перестройке ее в кунольную для поддержания барабана к продольным стенам было приложено по пилону, а никому теперь не нужные пилястры так и оставлены²⁶. С подобными перестройками мы встречались и за пределами Ани²⁷.

Основываясь на приведенном положении Н. Я. Марра, постараемся разобраться в вопросе о нишах в игадзорских усыпальницах.

Известно, что даже в домах богатых анийцев ниши и каминны с резной орнаментацией были основным архитектурным украшением, соче-

²⁵ XI Анийская археологическая кампания. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XIII, СПб., 1913, стр. 45. См. также Н. Я. Марр. Ани, стр. 105.

²⁶ План и внутренний вид меньшей церкви см. ТР., кн. XIII, рис. 4, 5. Н. Я. Марр. Ани, табл. L, 225.

²⁷ Н. М. Токарский. Предварительный отчет о поездке в Армению осенью 1923 года. Изв. Российск. Академии ист. мат. культ., IV, Л., 1925, стр. 332, рис. 5.

тавшимися с коврами и тканями на стенах, и потому на них ярче всего отражались изменения во вкусах состоятельных слоев городского населения. В пещерах небольшие ниши, при легкости их высекания в полатливом туфе, были прежде всего наиболее удобным вместилищем для посуды, светильников и прочей скудной утвари. Потому то в некоторых пещерах можно встретить ниши разных размеров и простейших форм, вырезанные в несколько рядов. С появлением в городе ниш с нарядным фигурным завершением они быстро распространились и в пещерных кварталах, скрасив унылую гладь стен уже существовавших жилищ: есть достаточно примеров, показывающих, что жители пещерного Ани широко и охотно воспроизводили у себя формы, виденные там наверху, в наземном городе. Значит, ниши с фигурными сводиками и трехчастные завершения оконных амбразур могли появиться и в высеченных за много веков до того усыпальницах. Поэтому при датировке их мы отдаем предпочтение архитектурной композиции, а не изменчивому виду ниш.

О времени появления искусственных пещер в ущельях, окружающих анийский мыс, нет никаких сведений. О них не пишут историки; на их стенах имеется всего три надписи — две уже не читаемые, и третья — надгробная XIII века в нише с могилой Тиграна hОненца. Д. А. Кипшидзе в своих выводах полагал, что «пещеры восходят к языческой поре, но в христианское время, особенно в эпоху Багратидов IX—XI вв., приспособлялись к христианской жизни и заимствовали детали от анийских архитектурных памятников (особенно орнаментику)»²⁸. По поводу суждений Д. А. Кипшидзе об усыпальницах Н. Я. Марр писал: «Имея расположение датировать нынешние усыпальницы самое раннее X-м веком, исследователь готов признать их возникновение на почве дохристианских пещер, но сторонние соображения без чисто археологических данных не могут дать окончательного решения»²⁹.

Полагаем, что с пересмотром назначения обеих игадзорских пещер и установлением наиболее вероятного времени их создания можно считать, что уже в первые века после утверждения в Армении христианства здесь по соседству с крепостью высекались специальные пещеры для погребения членов видных армянских семей, служившие, возможно, тогда и фамильными церквями или часовнями. К дохристианским временам они не имели никакого отношения.

Несколько замечаний о крестах на фасадах. Вырезывание их на стенах церковных зданий было распространено в стране. По своему рисунку они обычно довольно однообразны: крылья прямые или с уширением к концам, имеющим иногда двурогую форму, простую или с «почками»³⁰. Игадзорские кресты обращают на себя внимание не только редко встречающейся в Армении общей композицией, но и структурой крыльев, представляющих необычные «цепочки» из маленьких равноконеч-

²⁸ Ук. рукоп., л. 39.

²⁹ Отчет Анийского музея древности за 1915 год, стр. 33.

³⁰ Н. М. Токарь. Архитектура Армении, рис. 87.

ных крестиков. А. Д. Кипшидзе называет их восьмиконечными³¹, что не совсем точно, так как, кроме обычных для этого вида поперечин на вертикальных крыльях, они имеются и у концов горизонтальных. Весьма возможно, что такие многоконечные кресты появились на игадзорской скале значительно позднее, под впечатлением виденного в резном убранстве на церквях XIII—XIV веков, где кресты разных форм и размеров нередко составляли существенную часть композиции. Вспомним церкви Богородицы — подземную в Гегарде³² и в монастыре Спитакавор близ Башкенда³³. Нужно, однако, отметить одну особенность игадзорских крестов, характерную, по мнению Н. А. Орбели, для самых ранних изображений христианской эмблемы — равенство верхнего и нижнего крыльев³⁴. К шестому столетию это равенство уступает место отношению 4 : 5, при котором крест приобретает наиболее гармоничные очертания³⁵, удерживающиеся до XII—XIII вв., после чего нижняя часть начинает чрезмерно увеличиваться, нарушая удачно найденные соотношения. Как сообщил нам М. К. Каргер, подобная эволюция формы крестов наблюдается и в русском искусстве.

Случайное размещение крестов на фасадах игадзорских усыпальниц показывает, что они не являются составной частью внешней отделки и потому, несмотря на наличие древних черт, приходится воздержаться от привлечения их в поддержку предложенной датировки пещер.

ԱՆԻԻ ՔԱՐԱՅՐԱՅԻՆ ՇԻՆԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Պրոֆ. Ն. Ի. ՏՈՒԱՐՍԿԻ (Լենինգրադ)

(Ա մ փ ո փ ո լ մ)

Անիում հայտնաբերված քարայրները միջնադարյան հայ ճարտարապետության յուրահատուկ հուշարձաններից են: Հողվածում քննարկված են այն նյութերը, որ հավաքված են եղել աղադ. Ն. Մանի՝ Անիի հնագիտական ուսումնասիրությունների ժամանակ, ինչպես նաև հեղինակի անձնական դիտումները: Սասնափորապես ցույց է տրվում, որ վերին իզաձորի հյուսիսային և հարավային քարայրային շինությունները եղել են ոչ թե եկեղեցիներ, ինչպես ենթադրվում էր առաջ, այլ՝ դամբարանային կառուցվածքներ:

³¹ Ук. рукоп., л. 530.

³² Материалы по археологии Кавказа, т. XIII, М., 1916, рис. 5.

³³ Там же, табл. XXXI, рис. 67. Н. М. Токарский. Архитектура Армении, рис. 98. Записки Восточного отдела имп. Русского археологического общества, т. XX, вып. I,

³⁴ Н. Орбели. Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII века. (1910), СПб., 1912.

³⁵ Н. М. Токарский. Джрвеж I. Вохджаберд. Археологические раскопки в Армении, № 11, Ереван, 1964, стр. 45.